
С. И. СЕМЕНОВ

ИДЕИ ГУМАНИЗМА В ИБЕРОАМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О гуманистических тенденциях в ибероамериканском мире мы можем судить прежде всего на материале художественного творчества, как массового, так и профессионального, воплощенного в памятниках материальной культуры и запечатленного в народной памяти. Такой междисциплинарный подход к анализу конкретных проявлений гуманизма особенно плодотворен применительно к плюралистическому по преимуществу ибероамериканскому миру, который олицетворяет собой культурный синтез по обе стороны Атлантического океана на просторах четырех континентов.

Ибероамериканская цивилизация, субстратом которой является европейская средиземноморская культура, принадлежит к числу пограничных цивилизаций. Она является продуктом трехтысячелетнего органичного культурного синтеза-симбиоза по обе стороны Атлантического океана. Важнейшими вехами этого синтеза явились романизация Пиренейского полуострова, его включение в состав Арабского халифата, последующая реконкиста и формирование испанского и португальского государств, ее распространение на территории Африки и Америки в период Великих географических открытий, провозглашение независимости народами заморских владений и складывание латиноамериканских государств, а спустя полтора века – африканских государств с их своеобразными и многообразными культурами, похожими и в то же время отличными друг от друга. Ибероамериканская цивилизация, развиваясь на стволе европейской культуры, получила многочисленные ближневосточные, африканские и древнеамериканские прививки. Опираясь на христианское римское наследие в его католической ипостаси, ибероамериканская цивилизация в то же время восприняла вклад карфагенской, финикийской, иудейской, византийской, древнеримской, кельтской, готской, арабской, африканской, многочис-

ленных индейских культур, в том числе высоких цивилизаций Месоамерики и Анд.

В каждой из этих культур содержались своеобразные гуманистические элементы и тенденции. Их рекомбинация, но уже на христианской основе, шла в труднейших условиях контрреформации и затем интервенции Священного союза на Пиренейский полуостров. Испания была одним, едва ли не важнейшим, из центров контрреформации, что оказало крайне неблагоприятное влияние на гуманистическую мысль и особенно на гуманистический стиль жизни в этой стране и в ее заокеанских владениях, существенно препятствовало ассимиляции и закреплению гуманистических традиций и элементов из других культур. В данной статье нет возможности рассмотреть эти элементы отдельно в каждой из культур. Здесь они представляют для нас интерес лишь в той мере, в какой оказали действительное влияние на развитие ибероамериканской культуры в целом и стали ее общим культурным достоянием. Исключение составляют только высокие цивилизации доколумбовой Америки, поскольку с этими элементами оказалось возможным познакомиться в интерпретации испанских хронистов и их современников и продолжателей или же в интерпретации представителей культурного синтеза – потомков испанских завоевателей и индейской знати, интегрированной в испано-американское общество.

Через Карфаген и особенно Рим ибероамериканский мир воспринял гуманистические элементы, содержащиеся в древнеегипетской, месопотамской и особенно в древнегреческой цивилизациях. Евангелизация Пиренейского полуострова позволила его народам освоить гуманистические тенденции, содержащиеся в христианстве (как в арианском, так и в католическом вариантах, а через Византию и славян-рабов – и в православном).

Тысячелетними контактами с африканскими и азиатскими культурами пиренейский мир был подготовлен к встрече с культурами американскими и к творческому освоению их наследия. Эти контакты были весьма неоднородными, но в них особенно интересны гуманистические мотивы. Они, несомненно, укрепили позицию тех, кто настаивал на принадлежности американских индейцев и черных африканцев к единому роду человеческому и требовал от испанского и португальского государств защиты их прав от произвола конкистадоров и работорговцев. Это была гуманистическая позиция, нашедшая понимание и на римском престоле, и у испан-

ской короны, хотя до ее полного воплощения на практике пройдет еще три столетия.

Тем более важен пристальный интерес сторонников этой позиции к гуманистическим элементам в культурах доколумбовой Америки. Разумеется, эти элементы очень сильно отличались от гуманистической традиции Старого Света, но их сближали универсализм, признание принципиального единства всех людей независимо от племенной и социальной принадлежности. Такие элементы были отмечены как в Месоамерике, так и в Южной Америке.

В первом случае речь идет о мифе о Кетцалькоатле, во втором – о Виракоче, двух божествах, отвергавших принесение в жертву человека (обычно военнопленного), принадлежащего к иному племени. Человеческие жертвоприношения были обычны для Месоамерики вплоть до испанского завоевания.

Однако индейские мифы и предания, испанские хроники и дошедшие до нас памятники материальной культуры показывают, что культ «пернатого змея» Кетцалькоатля, восходящий еще к 1200–1100 годам до н. э., связывался в сознании народов этого региона с борьбой против человеческих жертвоприношений и с утверждением моральных норм, осуждавших убийство, воровство и войны. Согласно ряду преданий, тольтекский правитель города Толлан Се Акатль Топильцин, принявший имя Кетцалькоатль и живший около X века н. э., имел черты культурного героя. Он обучил жителей ювелирному искусству, запретил приносить в жертву богам людей и животных (разрешалось только приносить в виде даров цветы, хлеб и ароматические снадобья), осуждал убийство, войны и воровство. Его наделили внешностью белого человека (но не блондина, а брюнета). Мифы утверждали, что он скрылся в море, но обещал вернуться и принести счастливую жизнь. Этому герою приписывается утверждение в Месоамерике гуманистического стиля жизни, который именовался «тольтекайотль» и который был присущ не одним тольтекам, но и соседним и сменившим их народам. Такой стиль был основан на принципах братства всех людей, самосовершенствования, трудолюбия, честности, верности слову, познания природы, оптимизма. Примерно к этому же времени предания народов майя на Юкатане относят деятельность правителя или верховного жреца из г. Чичен-Итца Кукулькана (майяский аналог Кетцалькоатля).

Другим представителем гуманистического направления был правитель города Тескоко, философ и поэт Несауалькойотль (1402–1472), который отрицал человеческие жертвоприношения, воспевал дружбу и оказал глубокое влияние на культуру народов Мексики.

В Южной Америке аналогичное движение относится к началу XV века, связывается с именами инки Куси Юпанки, получившего прозвище Пачакутек («Реформатор»), его сына Тупак Юпанки и с распространением культа верховного божества Виракочи. Как и в Месоамерике, Пачакутек присвоил себе титул божества – Виракочи. Известные моральные нормы, которыми официально руководствовало общество Тауантинсуйо, были связаны с этим культом и с реформами Пачакутека, который, как и Топильцин, наделяется чертами культурного героя.

Мусульманская культура Испании передала западной цивилизации такие черты, как свободомыслие, научность, устремленность к радостям жизни, к красоте земной действительности.

Во времена семивекового арабо-берберского владычества на Пиренейском полуострове гуманистические тенденции проявлялись как в господствующей мусульманской культуре, так и в иудейской и христианской общинах. В Кордовском халифате мусульманские элементы гуманизма обогатились за счет античной и эллинистической традиций, что ярко продемонстрировало, например, творчество Иегуди Галеви, Ибн-Рушда (Аверроэса) и Ибн-Дауда Маймонида. В свою очередь эта гуманистическая традиция через Кордову оказала благоприятное воздействие на общественную мысль Западной Европы, особенно Парижа и его университета, подготовив почву для Возрождения.

В пиренейском мире первым светским гуманистом был, вероятно, знаток латинской классики, поэт и писатель Бернат Метже, живший на рубеже XIV и XV веков. Уроженец Барселоны, он открыл эру каталонско-арагонского гуманизма XIV–XVI веков (испытывавшего византийское влияние), перевел сочинения Петрарки на каталонский язык и сам дал образцы каталонского литературного языка. Каталонский язык был придворным языком в Риме при понтификатах пап Каликста III и Александра VI. И не случайно деятельность и творчество этого барселонского гуманиста развернулись при дворе в Неаполе (Южная Италия тогда была составной частью средиземноморской арагонской державы, владения которой простирались от юга Франции до северных берегов Африки и части

континентальной Греции) (Vallogi 1987: 8). Сам же Арагон, еще недавно находившийся под арабским владычеством, был как бы перекрестком, испытывавшим могучее духовное воздействие Южной Франции, Италии, Византии и Мальтийского ордена.

В Испании и Португалии Возрождение было осложнено процессом Реконкисты, что наложило печать своеобразия на проявления гуманистической мысли в этих странах. Свойственные Реконкисте религиозный фанатизм, нетерпимость, массовые преследования и изгнания иноверцев и еретиков, институт инквизиции препятствовали распространению гуманистической мысли и ее воплощению в социальную практику. Особенно тяжело пришлось здесь гуманизму в безвременье контрреформации. Однако даже в самые мрачные времена торжества обскурантизма и реакции гуманистические элементы культуры не угасали вовсе, а приобретали своеобразную форму эклектизма. Гуманистические мотивы причудливо сочетались с официальными догмами церкви, что наблюдается в деятельности даже таких воинствующих католических орденов, как доминиканцы, францисканцы и иезуиты.

Великие географические открытия и присоединение к испанской и португальской монархиям африканских, азиатских земель, наконец, Америки, несмотря на варварскую форму конкисты, послужили небывалым импульсом для гуманистической мысли, утвердившейся в Европе в эпоху Просвещения.

В Испании и Португалии после присоединения Америки гуманистическая позиция совмещалась с социальным утопизмом. Она нашла свое выражение в моральном осуждении конкисты и вообще «несправедливых войн». Этому содействовала испанская школа государственного права, связанного с именем Саламанкского университета. Испанский гуманизм в то время воспринял (прежде всего от Эразма Роттердамского) облик «христианского гуманизма». Друг Эразма испанский гуманист Хуан Мальдонадо выступил со специальным трактатом, в котором связывал с индейским обществом Америки, не знавшим, по его мнению, частной собственности, надежды на обновление христианства в духе первых апостолов. Последователи Эразма в Новой Испании и других заморских владениях старались превратить индейцев в «идеальных христиан» первых веков. Так, королевский судья (впоследствии епископ Мичоакана) Васко де Кироба в послании в Совет по делам Индий от 14 июля 1535 года высоко оценивал «Утопию» Т. Мора как модель общест-

венного устройства, соответствующую обычаям индейцев и пригодную для управления Новым Светом. Он создал индейские поселения близ г. Мехико и в Мичоакане исходя из античных представлений о золотом веке, из раннехристианских идей и представлений «христианского гуманизма» круга Эразма.

Виднейшим представителем испанского гуманизма был друг Эразма философ и педагог Хуан Луис Вивес, обучавшийся в Париже и затем преподававший в Лувенском и Оксфордском университетах. В Португалии работал его корреспондент, историк и государственный деятель Дамиан де Гойс, друг Эразма Роттердамского, придворный императора Карла V. Он долго жил в Антверпене, часто бывал в Лувенском университете, учился в университете в Падуе, объехал всю Европу от Гааги до Вильнюса, Кракова и Праги, беседовал с Лютером, Меланхтоном, кардиналами Бембо и Садолето, основателем иезуитского ордена Лойолой. Последнее знакомство сыграло роковую роль в его судьбе: по доносам иезуита Симона Родригеса он был осужден инквизицией, заключен в монастырь и убит.

Важнейшим центром испанского гуманизма стал Саламанкский университет. Его философы, юристы и теологи-доминиканцы (особенно Франсиско де Витория и Доминго де Сото) не только проповедовали гуманистические идеи, но и активно старались воплотить их в жизнь в виде законов, политики государства, деятельности миссий. Позиция Доминиканского ордена, возглавлявшего инквизиционную систему в Испании, была в этом отношении очень противоречивой. С одной стороны, орден защищал обскурантистские позиции, запрещал иноверческие и «еретические» сочинения, передавал для заключения в тюрьмы и сожжения на кострах не только книги и рукописи, но и многие тысячи людей. Именно деятели этого ордена прежде всего несут ответственность за гибель высоких индейских культур Месоамерики и Центральных Анд, ибо именно они разрушили святилища индейцев, их усыпальницы, сожгли тысячи рукописей и уничтожили памятники материальной и духовной культуры индейцев, организовали гонения на индейское жречество и аристократию. С другой стороны, основатель ордена доминиканцев Доминик Гусман осуществлял компромисс между отстаиванием приоритета католицизма и признанием зачатков опытного естествознания и нового социального мышления. Он не одобрял применения государством силы (особенно военной) как аргумента в

борьбе за веру и не принял участия в крестовом походе против альбигойцев в Южной Франции. Именно поэтому его последователи – доминиканские теологи – стали первыми, кто осудил насилие испанских и португальских конкистадоров, а конкисту – как незаконную и несправедливую войну, кто объявил индейцев и африканцев братьями и протестовал против их обращения в рабство. Так, еще в 1511 году в публичной проповеди в Санто-Доминго Антонио де Монтесинос отстаивал тезис о равенстве индейцев с европейцами и осудил конкисту, повторив свою позицию в речи перед хунтой Вальядолида.

Наиболее последовательным выразителем этой позиции стал замечательный гуманист Бартоломе де лас Касас.

Доминиканские теологи оказывали очень большое влияние на политику императора Карла V в заморских владениях. В 1525 году был основан Королевский и Верховный совет по делам Индий, председателем которого был назначен генерал ордена доминиканцев, духовник императора Гарсиа де Лоайса, один из главных инициаторов «новых законов» 1542 года, превративших индейцев в подданных короны и запретивших обращать их в рабство. Затем было исключено употребление и самого понятия «конкисты» в отношении заморских владений Испании в Америке. И хотя идеи гуманистов о несправедливости завоевания Америки и индейских «королевств», о равенстве индейцев, африканцев и европейцев и о запрещении рабства не воплотились в практику (продолжалась хищническая эксплуатация заморских владений), но то, что в Южной и Средней Америке развился синтез культур (в отличие от Северной Америки), в большой мере заслуга гуманистов. Именно они создали сотни словарей индейских языков, основали множество школ для образования индейской молодежи на их родных языках, собрали бесценные свидетельства о социально-экономическом, политическом строе, верованиях и культуре индейских обществ. В этом отношении неоспоримы заслуги таких гуманистов, как Бернардино де Саагун, Торибю де Бенаvente («Мотолития»), Фернандо де Альба Иштльишочитль и особенно Инка Гарсиласо де ла Вега.

Варварское завоевание Америки и зверства конкистадоров в Америке, Африке и Азии, обстоятельства, сопутствовавшие Реформации и Контрреформации в Европе, нанесли жестокие удары по испанскому гуманизму и придали ему трагический характер. В этот период гуманистические настроения и их противоречия на-

шли наиболее глубокое воплощение в творчестве Мигеля Сервантеса де Сааведра и Педро Кальдерона де ла Барка.

Гуманистические тенденции в ту пору находили свое чрезвычайно противоречивое воплощение прежде всего в испанском театре золотого века. Театр в период Контрреформации стал носителем гуманистической традиции. Именно поэтому театр тогда преследовали высокопоставленные придворные инквизиторы, убеждавшие королей вообще запретить светские театральные представления. Виднейшим испанским гуманистом XVII века был Хосе Гонсалес де Салас, издатель «Сатирикона» Петрония, исследователь античной трагедии и «Поэтики» Аристотеля. Он был как бы живым олицетворением испанского барокко.

Португальское Возрождение связано с именами таких гуманистов, как эпический поэт Луис де Камонс, хронист Педро Магальянс де Гандаво, миссионеры-иезуиты Мануэл ди Нобрега, Жозе де Аншиета и философ-моралист, политический деятель и миссионер, связавший свою жизнь не только с Португалией, но и с Бразилией, Антонио Виейра. Они утверждали человеческое достоинство людей всех рас, включая индейцев и африканцев. Виейра проповедовал, что Христос любил людей не во имя того, чтобы они любили его, а для того, чтобы они возлюбили друг друга. Инквизиция усмотрела в этой проповеди еретическое уклонение.

В заморских владениях Испании и Португалии гуманистическая мысль проявлялась вначале в признании человеческого достоинства за индейцами и ввозимыми в Америку африканцами-рабами, в осуждении принудительного труда, особенно института рабства и работорговли. Виднейшими носителями гуманистических принципов, вскрывавшими их коллизию с реальностью, явились замечательная мексиканская поэтесса Хуана Инес де ла Крус (Хуана Асбахе и Рамирес де Сантильяна), перуанский священник-индеец Хуан де Эспиноса Медрано («Лунарехо»), перуанский сатирик Хуан дель Валье и Кавьедес. Одним из первых бразильских гуманистов, работавших в Португалии и Анголе, был известный юрист, поэт и сатирик Грегорио де Матос Герра. Носители этого трагического гуманизма не могли замалчивать противоречия человеческой природы, обличали низменные побуждения, алчность конкистадоров, корыстность государственной политики, бичевали пороки всех слоев общества и отказались от приукрашивания «естественного состояния» индейцев и африканцев, что было свойст-

венно гуманистам начала XVI века. Будучи, как и их предшественники, универсалистами, они в то же время положили начало новой гуманистической тенденции в рамках «американизма», подготовившего почву для достижения независимости латиноамериканскими народами уже в начале XIX века.

«Американизм» отражал новый этап в развитии культурного синтеза-симбиоза в заморских владениях Испании и Португалии, признавая равноправие их народов с позиций теории «естественного права». Он органически вписался в культуру эпохи Просвещения. В период просвещенного абсолютизма гуманистические идеи связываются с признанием равноправия «американцев» с уроженцами метрополии. Здесь следует отметить вклад видного испанского гуманиста, эссеиста Бенито Херонимо Фейхоо и Монтенегро. В испанской Америке гуманистические мотивы присутствуют в творчестве предшественников независимости – перуанца Хуана Пабло Вискардо и Гусмана, эквадорца Франсиско Хавьера Эухенио Санта Крус и Эспехо, колумбийца Франсиско Хосе де Кальдас, венесуэльцев Симона Родригеса, Андреса Бельо и Франсиско де Миранда.

В силу цивилизационной специфики в «пограничных культурах» соотношение инновационных и традиционных элементов меняется иным образом, нежели в более гомогенных культурах. Поэтому в историческом процессе в данных странах особое значение приобретают реформы, которые становятся узловыми моментами этого процесса в гораздо большей мере, чем политические потрясения, по аналогии с другими культурами именуемые «революциями». Например, реформы короля Испании Карла III подготовили в социокультурном отношении целый революционный цикл XIX–XX веков, реформы австрийского императора Иосифа способствовали превращению империи в дуалистическую, а реформы российского императора Александра II по своему значению и последствиям были гораздо глубже последующих политических революций. Эти инновации в виде реформ явились (употребляя уже сложившийся стереотип мышления) движущей силой модернизации общества, обеспечивая не «перерыв постепенности», а ускорение развития на новой основе, но с сохранением преемственности.

В условиях повышенной гетерогенности культуры с разными темпами развития каждого из составляющих пластов революционный взрыв зачастую приводит не к ускорению, а к торможению

развития. Слом высоких социальных формаций приводит не к переходу на более высокий уровень развития, а к попятному движению, к инволюции. В этом случае «перерыв постепенности» и сопряженное с ним разрушение производительных сил, гибель наиболее творческих элементов, особенно молодых поколений, принуждают общество начинать развитие на гораздо более низкой стадии, чем дореволюционная. В условиях повышенной гетерогенности и многослойности культуры радикальная реформа оказывается узловым моментом исторического развития. Именно в такие моменты гораздо полнее обнаруживается гуманистическое содержание реформистских идей, отвергающих насилие над человеческой личностью.

В связи с асимметричностью общественного устройства государств пограничной культуры модернизация разных культурных пластов и регионов происходит неравномерно. Это обстоятельство усиливает нагнетание противоречий и напряженность в обществе. С другой стороны, это создает благоприятные условия для временного отката модернизационной волны, торжества реакции и временщиков-фаворитов (время Годоя в Испании, Меттерниха в Австрийской империи, Победоносцева в России) и для подготовки последующего революционного взрыва. Подобная опасность требует не замедления темпа модернизации, а постепенного наращивания его, хотя не одновременно повсюду, а диахронно в разных сегментах. Гуманистические инновации в этом случае играют роль своеобразных катализаторов ускорения исторического процесса, противоядия как традиционалистской реакции, так и революционного нетерпения, работающего на нее.

Последним крупным представителем иберийского классического гуманизма был поэт, историк и филолог Мануэль Марти-и-Сарагоса, живший в конце XVII – начале XVIII века. Марти был сторонником индуктивного метода, в исследованиях призывал опираться на опыт и достоверные факты. В отличие от большинства своих современников-гуманистов он не замыкался в рамках своей страны, а был подлинным европейцем, как и его предшественники. Он принадлежал к философскому кружку Вико и разделял взгляды неаполитанского реформизма, переписывался с французскими гуманистами, изучал вместе с ними археологию, нумизматику, палеографию и другие специальные дисциплины. Но если его испанские современники-гуманисты призывали отказаться от изу-

чения древнегреческого языка и заняться изучением французского, заявляя, что проще заимствовать французские исследования по античности, чем самим работать над ними, то Марти выступал против подражательности, ратовал за самостоятельное тщательное изучение античных авторов в подлинниках. Он испытал влияние немецкого неогуманизма и романтизма, но оставался приверженцем классического итальянского гуманизма. В то же время ему присущ уже известный философский скептицизм. Он был свидетелем упадка испанской монархии и в своих письмах с горечью отмечал засилье бескультурья и тщеславия среди испанцев. «Как москвиты и португальцы, испанцы осуждены жить во мраке варварства, – жаловался он. – Молодежь не хочет учиться, а желает без серьезных усилий приобрести звание, чтобы наживаться на нем. Никто не хочет жертвовать деньги на культурные предприятия. Всегда находятся средства на потаскушек, цыган и шутов. Но никому и в голову не придет раскошелиться на то, чтобы поддержать изящную словесность» (Fontan *et al.* 1975: 83–84).

Марти протестовал против засилья иезуитов, которым двор отдал на откуп всю сферу образования и которые со своей приверженностью схоластике и догматизму отучали молодое поколение критически осмысливать действительность, самостоятельно действовать. Это способствовало еще большему упадку Испании и ее отставанию от Европы.

Независимость США, Великая французская революция и цикл пиренейских революций, растянувшийся на большую часть XIX века и захвативший изрядную долю XX столетия, ознаменовали кризис идеологии Просвещения и свойственных ей форм гуманизма. Еще на предыдущем этапе в испанской Америке гуманистическая мысль выявила недостаточность принципа универсализма, необходимость дополнения его принципом разнообразия. Эта догадка подтверждается опытом независимого существования в XIX–XX веках латиноамериканских республик, которые добиваются равноправия в международных отношениях и отвергают применение силы для решения межгосударственных конфликтов. Вдохновляемые гуманистическим мышлением нормы становятся составной частью международного американского права и утверждаются в практике межамериканских отношений.

В Испании и Португалии кризис идеологии Просвещения был связан с утверждением романтизма и переосмыслением в этом духе

гуманистических идей. Представителями этого подхода к человеку были замечательный испанский художник Гойя, философ и писатель Хосе де Эспронседа, писатель Мариано Хосе де Ларра, галисийская поэтесса Розалия Кастро, португальские писатели Алешандре Эркулано, Алмейда Гаррет, бразильский поэт Кастро Алвес.

После испано-американской войны в ибероамериканских странах усиливается тяга к солидарности этих народов. «Поколению 1898 года», как называли испанскую интеллигенцию начала XX века, в целом была свойственна гуманистическая ориентация. Писатель Хуан Валера, как и его продолжатели, эссеисты «поколения 1898 года», справедливо усматривал причины упадка Испании начиная с XVII века в религиозном фанатизме, в представлении о богоизбранности испанской нации и ее особой роли в мировой истории, в настроениях высокомерия, тщеславия, захвативших испанскую нацию после Реконксты и завоевания Америки.

В испанской гуманистической мысли XX века ее вершинами выступают Мигель де Унамуно и Хосе Ортега-и-Гассет. Литературное творчество и философская рефлексия Унамуно связаны с трагическим чувством жизни. Он проводит параллель между бытием человека и литературного персонажа, считая, что подлинная реальность личности, как и народа, непроницаема для разума, но открыта жизненному чувству и фантазии. В вечной традиции самобытного, по мысли Унамуно, выступает как подлинно универсальное. Однако его абсолютизация самобытности, своеобразное почвенничество, сочетавшиеся с анархическими, волюнтаристскими мотивами, являлись своего рода отзвуком в иных исторических условиях настроений национального тщеславия и мессианства, что выразилось в претензиях «испанизировать», т. е. одухотворить, Европу и весь мир.

Его оппонент – основоположник рациовитализма Ортега – исследовал личностные структуры бытия и сознания человека. Он выдвинул концепцию перспективизма, согласно которой мир обретает структуру и перспективу вследствие творчества индивида, не только познающего мир, но и живущего в нем. Ортега понимает культуру как часть индивидуального бытия человека, считая подлинной лишь такую культуру, которую человек делает своим личным достоянием. Ортега, разделявший и пропагандировавший ценности либерализма, справедливо связывал перспективы преодоления отсталости Испании с ее «европеизацией», интеграцией в ми-

ровую цивилизацию. Последующая история Пиренейского полуострова подтвердила правоту позиции Ортеги в этом споре.

На формирование гуманистической тенденции «поколения 1898 года» очень большое влияние оказало творчество Л. Толстого, Ф. Достоевского, П. Кропоткина (последний, в свою очередь, высоко оценивал опыт пролетариата Каталонии, так что можно говорить скорее о взаимовлиянии, особенно на фоне известного сходства иберийского и славянского характеров). В своем письме, опубликованном в журнале «Ревиста бланка» и получившем широкий резонанс в обществе, Толстой осуждал жестокость и насилие современного мира и отстаивал концепцию пассивного сопротивления.

Первая мировая война способствовала углублению кризиса гуманизма, что не только отразилось в эпистолярном наследии представителей «поколения 1898 года» и в их художественных произведениях, но и подверглось специальному анализу в книге «Кризис гуманизма» одного из виднейших представителей этого поколения Рамиро де Маэсту.

«Поколение 1936 года»¹ продолжило эстафету «национальной самокритики» с гуманистических позиций, но существенно переосмысливая понимание взаимосвязей человека, социума, природы и космоса в духе современных научных, эстетических и этических представлений.

В Латинской Америке в XX веке гуманистическая тенденция также выступила достаточно энергично, что выразилось, например, в творчестве гениальной чилийской поэтессы Габриэлы Мистраль, писателей – создателей стиля «магического реализма», таких как Алехо Карпентьер, Габриэль Гарсиа Маркес, Аугусто Роа Бастос, Мигель Анхель Астуриас, в музыке бразильского композитора Эйтора Вилалобоса, в мексиканской графике и муралистской живописи.

Отнюдь не случайно в ибероамериканском мире особую роль в развитии гуманистической традиции играет Аргентина. Здесь следует назвать аргентинское Просвещение, «поколение 1837 года». Этим термином принято обозначать поколение аргентинских мыслителей, литераторов и политических деятелей середины XIX века (Эстебан Эчеверриа, Хуан Баутиста Альберди, Доминго Фаустино

¹ «Поколение 1936 года» – поколение либеральных гуманистических писателей и мыслителей Испании, сформировавшееся под влиянием гражданской войны, деятельность которых развернулась в основном в послевоенный период, когда в стране установилась франкистская диктатура.

Сармьенто, Висенте Фидель Лопес и др.). В 1837 году Эчеверриа вместе со своими друзьями основал «Литературный салон» и начал борьбу против диктатуры Росаса. В 1838 году Эчеверриа и Альберди создали тайное общество «Молодая Аргентина», выступавшее за реализацию принципов свободы, равенства и братства, наследия майской революции 1810 года, положившей начало независимости Аргентины.

Альберди был замечательным представителем гуманизма. Он написал свой знаменитый труд «Преступление войны» и явился предшественником Ганди в пропаганде идеи ненасильственных действий. Это сочинение было связано с конкурсом, объявленным в 1869 году Международной и постоянной лигой за мир (de Obieta 1984). Он жил и работал в Чили, Уругвае, Бразилии, США, Франции и в других странах Европы и Америки, публично осудил войну Аргентины и Бразилии против Парагвая, за что бывшие друзья клеймили его как «дезертира и предателя». Альберди справедливо считается одним из родоначальников так называемого «американского международного права». Его капитальный труд «Основы» поставил вопрос о том, какой должна быть латиноамериканская философия, и лег в основу действующей до сих пор Конституции Аргентины, принятой в 1853 году (правда, она много раз изменялась и пересматривалась).

В этом отношении особенно ценно наследие Алехандро Корна и его последователей – Хосе Инхеньероса и Франсиско Ромеро. Инхеньерос писал о становлении «нового человека» с «новой моралью». Ромеро, развивая феноменологические представления Гуссерля, выдвинул идею единства человека и мира как основу «философии человека» и категорию «интенциональности» как направленности сознания человека на окружающий мир. Он понимает «интенциональное сознание» в качестве объективирующего, создающего новую реальность. Ромеро рассматривает «двойную природу человека», считая личностью «чистую деятельность», «комплекс духовных актов в каждом субъекте». Свой капитальный труд Ромеро назвал «Теория человека». С этими представлениями полемизировал Ризьери Фрондиси, озаглавивший одну из своих работ «Введение в основополагающие проблемы человека». Фрондиси считал, что свобода человека не является самоцелью, а имеет значение прежде всего в этическом и эстетическом планах как необходимая предпосылка творчества.

Как видим, в философии Аргентины ее мыслители делали упор на рациональное исследование универсальных свойств природы человека, хотя в то же время изучали и особенности его поведения в условиях этой страны (концепция «архентинидад», к сожалению, не лишенная известных преувеличений биологического начала в духе социал-дарвинизма).

Все это подготовило почву для того, чтобы именно в Аргентине появились новое направление гуманистической мысли и соответствующее движение в виде «силоизма», связанного с деятельностью Марио Родригеса Кобоса («Сило»).

В другой крупной латиноамериканской стране – Мексике – в XX веке также наблюдается обостренное внимание философии к проблеме человека, причем здесь акцент перемещается на поиск особенностей «мексиканского» и – шире – «латиноамериканского» человека. Основоположником этого поиска, но уже не на рационалистической, а на интуитивистской почве, стал Антонио Касо. Его последователь Самуэль Рамос положил начало разработке философии «мексиканской сущности», что нашло отражение прежде всего в его труде «Профиль человека и культуры в Мексике». Затем он выдвинул проблематику «нового гуманизма», призванного отстаивать национальный характер, сущность мексиканской и вообще латиноамериканской культуры перед лицом опасности отчуждения. Еще один мексиканский философ – Леопольдо Сеа – сосредоточил свои усилия на выяснении «латиноамериканской сущности», которая не нуждалась бы в гарантиях извне, и с этой целью обратился к конструированию философии американской истории.

Гуманизму противостоит такой противник, как фундаментализм. Фундаментализм, особенно религиозный, – продукт и орудие социального разложения, разорения. Он выражает чувство острой ненависти к конкретному человеку во имя абстрактного мифологического существа, враждебного человеку и требующего человеческих жертвоприношений. Поэтому фундаментализм ориентирован не на жизнь, а на смерть. Он является излюбленным средством массовой мобилизации ради войны. Когда на определенной территории создавался переизбыток населения и становилось невозможным прокормить его в силу неблагоприятных экологических условий, на арену выступали эпидемии, массовые перемещения населения, а средством социальной мобилизации выступал фундаментализм.

По общему правилу, фундаментализм представляет собой попытку законсервировать социально изжившие себя отношения и соответствующие им институты при помощи террора и ради оправдания в глазах масс насильственного перераспределения собственности. Поэтому фундаментализм отражает интересы наиболее бюрократизированных и коррумпированных структур политической и церковной элиты, когда те, как и все общество в целом, переживают состояние острого кризиса. Он позволяет искусственно возрождать или продлевать мифологизированное сознание, когда вера в него опровергается повседневным социальным опытом. Фундаментализм – обычно признак не рождения силы, а гибели определенной цивилизации или данного государственного образования, исторически себя изжившего. В этом его исторический и социальный смысл. В ибероамериканском мире фундаментализм был тесно связан, например, с крахом абсолютной монархии и «войной за испанское наследство».

Гуманистические тенденции в XX веке проявляются не только и не столько в следовании уже накопленным традициям, сколько в утверждении в мировоззрении, теории, творчестве, вообще в повседневной жизни приоритета общечеловеческих ценностей, ощущения радости жизни, ее неповторимости и самоценности по отношению ко всему остальному (в том числе по отношению к национальным, этническим, социальным, политическим, религиозным и другим элементам). С этой точки зрения гуманистические мотивы обнаруживаются в разных движениях и акциях, произведениях литературы и искусства. Однако в том случае, если они подчиняются иным критериям, например классовым, националистическим, религиозным, они рассматриваются не как цельное гуманистическое мирозерцание, а именно как отдельные мотивы.

Разумеется, в современном гуманизме можно найти очень разные оттенки мысли и действия. Именно в этом разнообразии, недогматичности, нескованности жесткими дисциплинарными рамками и заложена творческая сила современного гуманизма. Он стремится раскрепостить творческий потенциал личности, помочь ей развиваться всесторонне, в соответствии с природными и социальными задатками (но и в постоянном борении с собой), открывать в себе и в других все новые и новые возможности и источники энергии.

Поэтому и в ибероамериканском мире современный гуманизм многолик и очень разнообразен. Его нельзя втиснуть в узкопартий-

ные берега и направить по одному каналу. В нем уживаются писатели, композиторы, художники разных творческих стилей и направлений, ученые, принадлежащие к разным научным школам, политические и общественные деятели различных ориентаций.

Их объединяет то, что они способны подниматься над своими сиюминутными пристрастиями во имя общечеловеческих интересов, что они принципиально отвергают чувство ненависти к человеку. Этот унаследованный от предшествующих поколений универсализм уже в новом облики, на более высокой научной и мировоззренческой основе вдохновляет и сплачивает гуманистов наших дней.

Но в ибероамериканской культуре современные гуманистические тенденции обладают и известным своеобразием, определенными общими чертами. Господствовавший на Пиренейском полуострове в пору золотого века стиль барокко выразил противоречивость и специфику культурного синтеза в этом регионе. Поэтому был творчески освоен и развит и на противоположном конце средиземноморского мира – в Балкано-Дунайском регионе, с одной стороны, и в заморских владениях Испании и Португалии, прежде всего в Латинской Америке, – с другой. Восприятие человека и его драмы, противоречивости его природы выражались здесь барочными средствами и в литературе, и в живописи, и в музыке, и в архитектуре, и в природном ландшафте. Оно сказалось и на философии.

В новой обстановке XX века это наследие обернулось модернизмом (в его ибероамериканском варианте) и «магическим реализмом», которые своими, присущими им средствами исследуют и выражают противоречивую природу человека, его боли и радости. Они созвучны гуманистическим и бунтарским мотивам и настроениям российской литературы и искусства Серебряного века. По-видимому, именно здесь, наряду с другими моментами, следует искать причины эстетически-духовной близости российского и ибероамериканского «разорванного сознания», «мятущейся души», богобоязненности и анархичного бунта под лозунгами «земли и воли», многовекового комплекса неполноценности и израненной совести с претензиями на «искупление вины» и мессианство. В сущности, гуманизм предстает здесь как попытка вызволить современного человека из плена этой разорванности бытия и сознания, вернуть ему целостность и жизнерадостность мироощущения, веру в собственные творческие силы и возможности.

Литература

Ballori, M. 1987. *Humanismo y Renacimiento. Estudios hispano-europeos*. Barcelona.

Fontan, A., Lopez Rueda, J., Gil, L. 1975. *Tres grandes humanistas*. Madrid.

Obieta, A. de. 1984. *Alberdi y la no violencia i un precursor de Gandhi?* Buenos Aires.